

В.Л. МУСАТОВ

ВЕНГРИЯ И РУМЫНИЯ: ДВА ВЗГЛЯДА НА “ПРАЖСКУЮ ВЕСНУ”

События “Пражской весны” 1968 г. оставили заметный след в истории международных отношений второй половины XX в., в истории народов Чехии и Словакии, а также многих европейских стран, особенно региона Восточной Европы. Отношение к этим событиям было разным – от официального осуждения попыток проведения реформ с целью создания “социализма с человеческим лицом” до одобрения в среде интеллигенции и студенчества социалистических стран, а также протестов на Западе в связи с вооруженной акцией Советского Союза и четырех его союзников, выступивших против “ползучей контрреволюции” в Чехословакии. Однако влияние настроений, вызванных реформами, оставалось сильным, оно сказалось на дальнейшем развитии Советского Союза и социалистических стран, хотя после августа 1968 г. многим политикам догматического толка казалось, что проведена нормализация ситуации в социалистическом мире.

1968 год – особенный в послевоенной истории, его еще называют годом больших потрясений. Историки, социологи, политологи и психологи все еще изучают причины массовых волнений, мятежных выступлений, акций протеста, которые прокатились буквально по всему миру – как в благополучных капиталистических странах и неспокойном “третьем мире”, так и во внешне стабильных социалистических странах. В каждой стране протестные выступления носили свой специфический характер. Пожалуй, можно сказать, что общие причины выступлений, а их участниками в основном были молодые люди, представлявшие новое поколение, появившееся на свет после потрясений и катаклизмов Второй мировой войны, состояли в том, что публично выражался протест против авторитаризма во всех формах, против силовых решений и применения военной мощи в мировой политике, против ограничений прав человека, расовой, национальной и религиозной дискриминации.

Война во Вьетнаме, где мировая сверхдержава обрушивала миллионы бомб и снарядов, тонны напалма и химических реагентов на народ небольшой страны, боровшийся за свободу и независимость, вызывала огромный рост антивоенных настроений в США. Все это проходило на фоне или параллельно с расширявшимся движением черного населения Америки за свои права. ООН объявила 1968 г. годом прав человека. В Европе этот год начинался спокойно, даже во Франции президент Ш. де Голль и премьер-министр Ж. Помпиду в новогодних речах оптимистично оценивали его перспективы. Правда, Помпиду сказал о возможности объединения оппозиции, но исключил возможность кризиса в стране. Аналитики говорили о росте стремлений к свободе за “железным занавесом” – в странах социализма. Упоминали перемены в Праге. Но всеобщее внимание вызывали грянувшие в мае массовые студенческие волнения, по сути дела, бунт молодежи в Париже и других университетских городах, а затем подобные

Мусатов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный посол.

выступления в ФРГ, которая выделялась высоким жизненным уровнем в Европе, и в Италии с ее традиционными “левыми” настроениями.

Идеологическая платформа этих выступлений была весьма пестрой – от антикапитализма, неприятия общества потребления, антивоенных требований, защиты гражданских свобод до эмансипации женщин. До сих пор на Западе вспоминают не только события, но и атмосферу тех лет, насыщенную революционными призывами, анархистскими лозунгами, стремлением к свободе проявления личности, молодежными сатурналиями. Символическими фигурами стали К. Маркс (студенты читали его ранние произведения), Че Гевара, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Г. Маркузе и Ж.П. Сартр. До этого в марте в течение трех недель лихорадило Польшу, где студенты Варшавского университета при поддержке других вузов страны организовали забастовки и демонстрации, протестуя против произвола властей, засилья цензуры и выступая в защиту национальных традиций. Характерный лозунг тех дней: “Польше нужен свой Дубчек!”. Но и тогда, в 1968 г., в Польше и в странах Западной Европы не произошло соединения молодежного, студенческого движения и рабочего класса, профсоюзов. Стороны с недоверием смотрели друг на друга. И в Польше, и в Италии положение изменится позже, в 1976 г. В Польше смычка интеллигенции и движения “Солидарности”, представлявшая угрозу существовавшему строю, была остановлена введением военного положения в декабре 1981 г. В Италии, где в ходе предвыборной кампании усилилось влияние левых сил, правящие круги при поддержке администрации США с использованием возможностей спецслужб сумели изменить обстановку в свою пользу, запугав общество реальной перспективой усиления террористической деятельности “красных бригад”.

Ситуация в социалистических странах и мировом коммунистическом движении была сложной. С одной стороны, еще ощущалось влияние XX съезда КПСС, были осуждены преступления сталинизма, атмосфера “оттепели” благотворно воздействовала на общество. Но уже разворачивалась борьба сторонников “десталинизации” с попытками возрождения старых порядков в форме “неосталинизма”. Шло болезненное приспособление к новым реалиям. Советский Союз выдвигал мирные инициативы, но конфронтация в мире периодически обострялась. Н.С. Хрущев блефовал, заявляя, что к 1980 г. в Советском Союзе будет построен коммунизм. На самом деле социализм проигрывал экономическое соревнование с капитализмом. Отстранение от власти Хрущева и выдвижение на высший пост компромиссной фигуры Л.И. Брежнева отражали борьбу группировок в советской элите и стремление обеспечить курс на стабильность, остановить эрозию власти. Был положен конец “оттепели”, но одновременно во властных структурах окрепло осознание необходимости роста эффективности экономической политики, повышения жизненного уровня населения, а во внешней сфере – усиления сплочения союзников. Попытки сближения с Китаем, даже в условиях войны во Вьетнаме, не давали ощутимого результата. В трех крупнейших компартиях Западной Европы – итальянской, французской и испанской – вызревало движение “еврокоммунизма”, сторонники которого считали стимулирующее влияние социалистической революции 1917 г. в России истощенным.

Однако после потрясений 1956 г. стремление к модернизации и вообще к переменам пробивало дорогу в социалистических странах. Помимо Югославии, которая с 1948 г. шла своим путем, наиболее комплексными и продвинутыми представлялись проекты экономических реформ в Венгрии и Чехословакии. В этом смысле для венгров 40-летие реформы в историческом аспекте имеет не меньшее значение, чем 40-летие “Пражской весны” для чехов и словаков. Венгерская реформа была воплощена на практике, а благодаря умной, взвешенной тактике Я. Кадара она оказалась более долговечной. Календарно, конечно, она просуществовала не намного дольше, чем “Пражская весна”, но все-таки в 1968–1974 гг. венгерским политикам удалось внедрить в экономику и общественную жизнь такие элементы рынка и социального рыночного хозяйства, а также демократии, которые реально “работали”, пусть и в ограниченных масштабах по сравнению с первоначальными замыслами. Эти элементы сыграли важную роль позднее, при переходе к новому общественному строю. Разумеется, реформы 1960-х годов в социалистических странах по своему характеру были компромиссными. В еще большей степени это

касается реформы, связанной с именем А.Н. Косыгина в СССР, начатой в 1965 г. и после первых успехов встретившей сопротивление брежневского окружения, опасавшегося усиления политической роли главы правительства в структуре власти. Вспоминаются слова Косыгина, сказанные уже после подавления “Пражской весны”, о том, что реформа в Советском Союзе все время натывалась на идеологические барьеры.

В 1960-е годы ожидания перемен существовали в большинстве стран – членов СЭВ. Приведу показательный, с моей точки зрения, факт. В 1960–1966 гг. в Венгрии, Болгарии, Чехословакии и Польше рост реальной заработной платы составил менее 2% в годовом исчислении, несколько большие цифры характеризовали этот процесс в ГДР, СССР и Румынии. Уже только одно это обстоятельство способно объяснить, почему повсеместно усилилась критика застывшей системы управления экономикой с присущими ей большим количеством обязательных плановых показателей, отсутствием прав принятия решений у руководителей предприятий, слабой материальной заинтересованностью работников. Все чаще напоминало о себе отставание от Запада по многим экономическим и технологическим показателям, что, по большому счету, отнюдь не компенсировалось такими выдающимися достижениями науки и техники, как запуск первого искусственного спутника Земли и первый в мире полет советского человека в космос. Необходимость перемен была признана в начале 1960-х годов и в решениях высших форумов КПСС, в которых говорилось о необходимости усилить самостоятельность предприятий, шире использовать категории цен, прибыли, кредита, полнее опираться на достижения научно-технического прогресса. Вслед за этим в социалистических странах стали появляться партийные решения об экономических реформах: в 1964 г. в ГДР и Польше, в 1965 г. в СССР и Чехословакии, в 1965–1966 гг. в Венгрии, в 1967 г. в Румынии и в 1968 г. в Болгарии. Это было фактическим признанием того, что во всех указанных странах источники экстенсивного развития экономики были исчерпаны. Заметим, что при несомненной схожести документов проявлялись и их характерные особенности: так, советские постановления почти не упоминали о “рынке”, в них скорее шла речь о товарно-денежных отношениях.

В Чехословакии реформа, называемая по имени профессора-экономиста О. Шика, началась еще в 1966–1967 гг. Вначале необходимость реформы управления экономикой поддерживал даже А. Новотный, политик консервативного склада и весьма осторожный, но вскоре он испугался политических последствий предлагавшейся трансформации. Пришедший к власти в январе 1968 г. А. Дубчек предложил О. Шику при реорганизации правительства весной занять пост заместителя председателя правительства и получил его согласие. Реформа в Чехословакии предполагала ограничение централизованного управления, предусматривала расширение прав предприятий, профсоюзов и трудовых коллективов. “Суть концепции, – писал коммунист-реформатор, бывший секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж, – заключалась в постепенном устранении бюрократической централизации и высвобождении самостоятельной экономической активности государственных предприятий, использовании рыночных механизмов для достижения более высокой хозяйственной эффективности. Тем самым подрывалась тоталитарная система в сфере экономики, вследствие чего открывались вполне реальные возможности для постепенного реформирования и других областей общественной жизни”¹. В “Программе действий КПЧ”, принятой в апреле 1968 г., подчеркивалась необходимость демократического контроля за составлением общегосударственных народнохозяйственных планов со стороны парламента – Национального собрания – и специализированного контроля со стороны институтов Академии наук. Отмечалось, что высшим органом осуществления экономической политики государства является правительство². Однако по мере активизации процессов послеправарского развития в Чехословакии реализация реформы отошла на второй план, уступив первенство проблемам демократизации и плюрализма политической жизни, осуждения сталинизма, отстранения от власти догматических сил, обеспечения прав

¹ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992, с. 75.

² The Prague Spring 68. Budapest, 1998, p. 94.

человека, свободы слова, печати и собраний. В общем можно констатировать, что в стране не было экономического кризиса, например, рост промышленного производства составлял 6%, но экономические преобразования по популярности уступали в Праге политике.

В Венгрии ситуация была другой. После подавления восстания 1956 г. обстановка в стране довольно быстро стабилизировалась. На протяжении 1957–1958 гг. коренным образом изменилась политика компартии, направленная, прежде всего, на достижение общественного согласия. В центре внимания власти оказались такие проблемы, как повышение жизненного уровня населения (эта задача решалась с экономической помощью извне, в частности, путем получения кредитов от Советского Союза и других социалистических стран), обеспечение устойчивого экономического развития, модернизация системы управления и активизация “человеческого фактора”. Как и в других странах, в Венгрии по вопросам реформ развернулась бурная дискуссия, политики оглядывались на Советский Союз, но при этом изучали опыт Чехословакии, Польши и Югославии, где выдвигались смелые идеи. Венгерские делегации неоднократно посещали эти страны. По крайней мере дважды главный идеолог венгерской реформы Р. Ньерш встречался с О. Шиком, а также с Л. Штроугалом, О. Черником, Б. Шимоном. По мнению венгерского реформатора, в Чехословакии не удалась реформа цен, предприятиям не были предоставлены достаточно широкие права, на задний план отошло сельское хозяйство, сузилась сфера маневра во внешней торговле. Однако, по наблюдениям Ньерша, это вовсе не означало, что Праге требуется новая реформа. О. Шик и другие экономисты считали, что необходимо последовательно осуществлять ранее принятые партийные решения. Но для этого нужна была единая политическая воля³. Об опасениях, существовавших в Будапеште, свидетельствует замечание Я. Кадара на одном из заседаний Политбюро в начале “Пражской весны”: эксперимент в Чехословакии или поможет венграм, или, наоборот, осложнит их положение. К этому надо добавить, что венгерское руководство размышляло о всеобъемлющей экономической реформе (именно в этом был смысл того, что обсуждала венгерская элита). Но предполагало действовать постепенно и осторожно.

Первые шаги относились к 1957 г., следующим этапом стал 1959 г. Реформы касались как промышленности, так и сельского хозяйства (отмена обязательных поставок, затем социалистическая реорганизация – создание кооперативов и госхозов, т.е. крупных товарных хозяйств; эти преобразования завершились в начале 1960-х годов). В разработке этих мероприятий важную роль играли члены Политбюро ЦК ВСРП секретарь ЦК Р. Ньерш и премьер-министр Е. Фок. В вопросах реформирования сельского хозяйства многое определялось мнением авторитетного члена Политбюро Л. Фехера. Но принятие политического решения о переходе к реформе зависело в первую очередь от воли Я. Кадара⁴. Венгерский лидер вводил различные “предохранители” в проекты решений, заботясь о социальной стабильности и сохранении уровня торговли с СССР и соцстранами, выжидал, выбирая подходящий момент. И этот момент наступил через год после смещения в Советском Союзе в октябре 1964 г. Н.С. Хрущева и после того, как в Венгрии были проведены подготовительные меры и созданы некоторые резервы.

Важно учитывать еще одно обстоятельство. Как известно, Кадар был шокирован методами отстранения Хрущева, “крестного отца” режима Кадара. Правда, изучив многочисленные реорганизации, проведенные Хрущевым в Советском Союзе, особенно в последние годы его правления, венгерское руководство решило, что ничего подобного у себя предпринимать не будет. Но советский лидер много сделал для развития венгеро-советского сотрудничества, он был довольно популярен в Венгрии. О своем несогласии с обстоятельствами отставки Хрущева Кадар заявил публично на митинге в Будапеште и разъяснил занятую им позицию в письме в ЦК КПСС на имя Л.И. Брежнева. Он, естественно, считал принятое в Москве решение суверенным делом КПСС, но подчер-

³ Huszár T. Bezélgétesek Nyers Rezsővel. Budapest, 2004, 332–333 о.

⁴ Подробнее о Я. Кадаре см.: *Мусатов В.Л.* Янош Кадар – политический путь. – Новая и новейшая история, 2008, № 5.

кивал, что у венгерского общества и ВСРП имеется свое отношение к личности и политике Хрущева. Разумеется, за этим стояло опасение, как бы в политике Москвы не возобладал неосталинизм. Так или иначе, но во взаимоотношениях с советской стороной появилась напряженность. (Кстати, А. Новотный тоже был недоволен методами снятия Хрущева. И об этом Брежнев не забыл.)

После встречи в Москве во время ноябрьских праздников 1964 г. и приезда Л.И. Брежнева и Н.В. Подгорного в Венгрию в феврале 1965 г., а также других двусторонних контактов возникшие недоразумения были сняты. Советская сторона подтвердила неизменность поддержки политики режима Кадара, а тот, в свою очередь, проявил понимание мотивов снятия Хрущева. В ходе этих встреч и бесед Кадар неизменно подчеркивал мысль о необходимости проведения в Венгрии экономической реформы в целях более полного использования преимуществ социалистического планового хозяйства. В ноябре 1965 г. пленум ЦК ВСРП одобрил основные направления экономической реформы (официальное название упоминало реформу хозяйственного механизма), в мае 1966 г. было принято решение о дальнейшем развитии системы управления с тем, чтобы с 1 января 1968 г. ввести в действие мероприятия по реформированию экономики.

Эти решения были закреплены резолюцией IX съезда ВСРП (28 ноября – 3 декабря 1966 г.), на котором от КПСС присутствовал и выступал генсек Л.И. Брежнев. В его речи содержалась такая, можно сказать, ритуальная, но, тем не менее, важная фраза: “Мы рады отметить полное единство КПСС и ВСРП по всем коренным вопросам строительства социализма и развития мирового коммунистического движения”⁵. В решении съезда о реформе говорилось: “На повестку дня встал вопрос о реформе хозяйственного механизма. Наши методы хозяйствования уже не отвечают полностью требованиям современной обстановки. На данном уровне общественного и экономического прогресса стало возможным и необходимым дальнейшее развитие методов планового руководства народным хозяйством. В дальнейшем плановое централизованное руководство будет осуществляться не методом разверстки плановых показателей, а с помощью экономических средств, станет опираться на активную роль социалистического рынка. В рамках планового хозяйствования получают большую роль товарно-денежные отношения. Основная цель реформы заключается в укреплении социалистического строя, в содействии завершению строительства социалистического общества, в создании условий для более полного проявления преимуществ социалистического планового хозяйства, для более последовательного осуществления нашей экономической политики”. Подчеркивалось, что более эффективное ведение хозяйства служит интересам создания базы для дальнейшего повышения жизненного уровня⁶.

Таким образом, для своего населения и для внешнего мира венгерское руководство сделало фундаментальное заявление о том, что партия стоит на позиции социалистического планового хозяйства, цель заключается в лучшем использовании преимуществ плановой экономики, в повышении научной обоснованности народнохозяйственного планирования. Было подчеркнуто, что предстоит расширить самостоятельность и права предприятий, для чего требуется создать ориентирующую систему цен, поднять материальную заинтересованность, разделить полномочия в принятии решений о капиталовложениях между центром и предприятиями.

Менялся механизм торговли таким образом, чтобы производители обеспечивали платежеспособный спрос, а не работали на склад. В сфере сельского хозяйства предлагалось поднять закупочные цены, списать задолженности, чтобы сделать сельхозпредприятия рентабельными, и усилить роль экономических рычагов в управлении отраслью. Наряду с государственной собственностью развитие получала кооперативная собственность. Было решено расширить финансовую самостоятельность местных органов власти. С учетом обстановки в социалистическом мире в принципиальном и тактическом отношении было важно, что ЦК ВСРП намечал переход на путь интенсивного развития, повышения

⁵ IX съезд Венгерской социалистической рабочей партии. М., 1967, с. 138.

⁶ Там же, с. 187–188.

эффективности труда и научно-технического прогресса при помощи более полного использования товарно-денежных отношений. Но одновременно подчеркивалось, что “социалистическое государство осуществляет централизованное планомерное управление нашим народным хозяйством, опираясь на социалистическую собственность на средства производства”⁷. Особенностью венгерской реформы стало ослабление директивного планирования и управления, иными словами, осуществлялся отход от советской модели и практики централизованного планирования за счет усиления роли косвенных средств регулирования, т.е. методами индикативного планирования.

Сердцевину мероприятий составляла реформа ценовой политики. Росла роль внешней торговли, вводились более реальные курсы форинта к доллару и к рублю. Создавались рынки – товарный, финансовый, собственности (недвижимости) – и частично рынок труда. В сельском хозяйстве усилилась роль подсобного, приусадебного хозяйства, что обеспечивало дополнительную аграрную продукцию, занятость и рост личных доходов. В итоге в обществе выросла инициатива, предприимчивость, творческий дух. В целом благодаря реформе в 1967–1972 гг. промышленное производство в среднем увеличилось на 5,5%, ВВП – на 5,8%, объем капиталовложений на 7,6%. Рост реальной зарплаты составил 3,1% (данные из доклада профессора А. Штарка, май 2008 г.⁸).

Это был период, именуемый “золотым временем режима Кадара”. Как говорит бывший председатель Госплана Венгрии и заведующий Экономическим отделом ЦК ВСРП, ныне профессор Университета Корвинус Я. Хоош, тогда объективно настроенные западные политики и социологи считали, что Кадар мог бы выиграть выборы, организованные по меркам буржуазной демократии⁹. Но о политической реформе и об ослаблении идеологического контроля ВСРП в Будапеште не говорили, чем и отличались от чехословацких собратьев.

Все эти моменты ложились на чашу весов, когда венгерскому руководству и лично Кадару приходилось определять позицию по чехословацкому вопросу на переговорах с Брежневым или на встречах лидеров социалистических стран. Речь шла о судьбе политики, проводимой после трагических событий 1956 г., и сохранении такого комплексного социалистического проекта, как всеобъемлющая реформа 1968 г. При этом Кадар с симпатией относился вначале к пражским экспериментам и лично к А. Дубчеку. Охлаждение произошло в июле 1968 г., причем, по словам бывшего члена Политбюро, секретаря ЦК Я. Береца, по вине Дубчека. Тем не менее, Кадар 17 августа 1968 г., по воспоминаниям З. Млынаржа, пытался предостеречь Дубчека о принятом решении Москвы ввести войска в Чехословакию¹⁰.

Возникает вопрос, могли ли венгры не участвовать в совместной военной акции? Участники протестных выступлений венгерской интеллигенции считали, что могли, и называли действия Кадара преступлением. Вот что говорил сам Кадар после 21 августа 1968 г.: “Мы могли влиять на эти события, только оставаясь в рамках союзнической системы. Да, конечно, этот вопрос мы также взвешивали. Можно ли было сказать, что мы не будем участвовать в подготовке военной акции? В принципе, это было возможно. Но к чему бы это привело? Мы видели беспокойство советских товарищей, поляков, остальных, оно было и у нас, но, может быть, не в такой повышенной степени. Что случилось, если бы мы сказали, что не пойдем с ними? По моему мнению, произошел бы выброс еще большей нервозности. Ничего бы не разрешилось, но сложилась бы гораздо более сложная ситуация. Скажу откровенно – поскольку мы знали обстановку, условия и знали людей, может быть, они решились бы на еще более непредсказуемый шаг. Нам пришлось продумать всю логическую цепочку, и так мы приняли свое решение. Наш ответ очень успокоил советских товарищей и других наших партнеров, так что они смогли чуть более спокойно подходить ко всей чехословацкой проблеме”¹¹.

⁷ Az MSZMP határozatai és dokumentumai 1963–1966. Budapest, 1968, 458 о.

⁸ A dimenziók eve 1968. Budapest, 2008, 260 о.

⁹ Ibid., 233 о.

¹⁰ Млынарж З. Холодом веет от Кремля, 2-е изд. Нью-Йорк, 1988, с. 181.

¹¹ Kanyó Á. Kádár János – végakarát. Budapest, 1989, 39 о.

Комментируя эти слова Кадара, можно прямо отметить, что ввод союзнических войск в ЧССР был грубым, типично имперским шагом, но для такой крупномасштабной военной операции жертвы были минимальными. Было решено влиять на население, не объявлять чрезвычайное или военное положение. В стране формально работали высшие органы власти. Протесты чехословацкого общества превзошли все ожидания организаторов совместной акции. Но в Москве хотя бы поняли, что появление немецких солдат (пусть в форме Народной армии ГДР) вызовет дополнительную бурю протестов чехов и словаков. Войска ГДР были в последний момент оставлены. От ГДР в военной акции участвовали только штабные офицеры. Кумиры “Пражской весны” – А. Дубчек, Й. Смирковский и др., хотя и с подмоченной репутацией после переговоров в Москве, на 8 месяцев остались у власти. Отстранили только Ф. Кригеля, отказавшегося подписать московские протоколы. “Нормализация” обстановки была возложена на новое руководство во главе с Г. Гусаком (не могу не сказать, что в его жизненном пути было много сходных черт с биографией Я. Кадара). В ходе “чисток” никого не сажали, только “вычеркивали” из партии. Правда, коснулось это “всего” 0,5 млн. человек. В этой связи вспоминаю свой разговор в Праге с новым Генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем летом 1988 г., когда во время беседы с ним по текущим внешнеполитическим вопросам я задал вопрос, а что он думает насчет привлечения к политике партии активных и способных людей, которых немало среди “вычеркнутых”. Ответ был обескураживающим: “Мы вернули в партию примерно 8 тысяч человек, больше пока не планируем”.

Другой видный венгерский политик, один из творцов реформы 1968 г. Р. Ньерш в наши дни (2004 г.) оценивает события того времени и занятую руководством Венгрии позицию следующим образом: «Это был трагический шаг, в моральном смысле не хочу его оправдывать. Но сомневаюсь, что в политическом смысле у нас был другой выбор. Советский Союз располагал сценарием действий на случай отрицательной венгерской позиции. Южная группа войск находилась в отмобилизованном состоянии. Венгрии даже не нужно была оккупировать. Иллюзией было и поведение, подобное румынскому, или, скорее, югославскому. Можно в связи с этим сказать, что, дескать, румыны тоже были членами Варшавского договора. Однако в Румынии существовало государство жесткой диктатуры. А ее флирт с западными странами не вызывал такого раздражения, как “социализм с человеческим лицом”. Консолидация демократического социалистического строя в Чехословакии – а я отдаю предпочтение этому определению – дала бы импульс непредсказуемым процессам не только в странах – сателлитах, но и в советских республиках. А в Москве и венгерской реформой были сыты по горло. Но в итоге с разгромом “Пражской весны” осталась неиспользованной последняя историческая возможность для реформ в направлении демократического социализма во всем социалистическом содружестве»¹².

Что касается общественных настроений, следует сказать, что в Венгрии имели место критические по настрою выступления в среде гуманитарной интеллигенции. Для примера сошлюсь на письмо с протестом против ввода войск в ЧССР и с критикой позиции Венгрии, которое опубликовала группа венгерских социологов и философов, учеников Д. Лукача, собравшихся на семинар на острове Корчула в Югославии. Статья академика А.Д. Сахарова “Размышления о процессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе” (июнь 1968 г.) была известна в кругах интеллигенции. Возражения против союзнической акции в Чехословакии и участия в ней Венгрии высказывал и сам Д. Лукач, опасавшийся возврата сталинизма. Критическую позицию занял и видный социолог, бывший премьер-министр А. Хегедюш, что вызвало резкую реакцию Кадара. Эти выступления повлекли за собой партийные взыскания и административные ограничения. Но позже руководители ВСРП помирились с Д. Лукачем и даже попросили руководство КПСС наградить его юбилейной ленинской медалью в 1970 г. (В скобках следует отметить факт, что народ в массе своей не без воодушевления воспринял ввод венгерской дивизии в районы Словакии, заселенные венграми. Национальные чувства нельзя было спрятать.)

¹² Huszár T. Op. cit., 339 o.

Дискуссии относительно введения войск стран Варшавского договора в Чехословакию постоянно проходили внутри венгерского Политбюро. Но общественный резонанс имела только одна акция протеста – со стороны старого члена ВСРП, ветерана госбезопасности и посла Венгрии в ГДР А. Темпе, который направил письмо Я. Кадару и в знак протеста подал в отставку, а позднее покончил жизнь самоубийством. Однако за всем этим стояло одно качественное изменение – впервые после общественно-политической консолидации 1957–1958 гг. выступления против политики или, точнее, отдельных решений ВСРП (как это было в связи с совместной акцией пяти соцстран 21 августа 1968 г.) приобрели открытый характер. Участники этих выступлений распространяли листовки и другие печатные материалы, подвергавшие критике политику ВСРП, в основном по внутренним вопросам. МВД Венгрии в декабре 1980 г. в записке в Политбюро оценивало число активных оппозиционеров в 1500–2000 человек¹³. Головной болью для партийных органов и госбезопасности стали ежегодные торжества 15 марта в связи с годовщиной революции 1848–1849 гг., собиравшие тысячи молодых людей на демонстрации под лозунгами национальной независимости и свободы. Партийные функционеры не могли больше хвастаться в Москве, что у них дома, дескать, нет “самиздата”. Такого рода литература распространялась после 1968 г. и в Венгрии.

После 21 августа 1968 г. началась по-настоящему эра полновластного правления Брежнева как внутри Советского Союза, так и в “социалистическом содружестве”. В этой связи Кадар попал в сложное положение, хотя и не показывал своих трудностей. В партийном руководстве Венгрии разворачивались дискуссии о политическом курсе. Молва начала считать Кадара провалившимся политиком. Однако он справился, удержался. Но споры шли как в Политбюро, так и в Экономической комиссии ЦК ВСРП и среди партийной интеллигенции. На повестке дня находились вопросы осуществления реформ. Дело в том, что на практике проявилось множество серьезных диспропорций, в том числе и в платежном балансе и в уровне оплаты труда. Предприятия, используя разные формы ценообразования, получали необоснованно высокую прибыль. Как всегда, в трудном положении оказалась тяжелая промышленность. Технический прогресс отставал. Процветал кооперативный сектор, оттягивавший рабочую силу. В промышленности доля государственной помощи составляла до одной трети прибыли. Наблюдался отрыв роста зарплаты от роста производительности труда, усиливались социальные контрасты. Государству пришлось вмешиваться, в частности, брать на себя негативные последствия роста мировых цен на энергоносители и сырье, чтобы сохранить уровень внутренних цен. Не было средств на продолжение инвестиций. Начал расти внешний долг Венгрии (2 млрд. долл. в 1971 г.).

Уже в конце 1971 г. чувствовалась определенная напряженность в обществе, особенно в партии. Раздавались голоса, что ВСРП теряет руководящую роль в стране, что нарастает противоречие между рабочим классом крупных предприятий и членами кооперативов, в том числе сельскохозяйственных. Усилились негативные явления – стяжательство, погоня за наживой, коррупция. Объективно говоря, реформа Кадара – Ньерша – Фока оживила экономику, сняла препоны для развития, ввела элементы рынка, но функционирование социалистической экономики на рыночных принципах, без изменения форм собственности было, в конечном итоге, обречено на неудачу. Реформа политических структур, дальнейшее расширение демократии откладывались, что было вполне в духе компромиссов. Тупиковость положения чувствовали и венгерские руководители, предлагавшие в интересах восстановления равновесия в экономике вновь усилить централизованное вмешательство в хозяйственные процессы. В начале 1972 г. ряд райкомов и парткомов крупных предприятий в Будапеште с подачи так называемой рабочей оппозиции внутри высшего руководства (члены Политбюро З. Комочин, Б. Биску, Ш. Гашпар, В. Бенке, секретарь ЦК А. Пуллаи и др.) начали кампанию в защиту ведущей роли рабочего класса и, соответственно, усиления влияния партии в сфере экономики. К этому надо добавить неблагоприятные внешние условия как в мировой

¹³ *Tabajdi G., Ungáry K. Elhallgatott mu'lt. A pártállam és a belügy. Budapest, 2008, 42 о.*

экономике, так и внутри СЭВ. Фактически политические условия для продолжения реформы в соответствии с ее первоначальными замыслами оказались серьезно лимитированными. Последовал еще один сильный удар – “товарищеская” критика со стороны Брежнева, высказанная в беседе с Кадаром в феврале 1972 г. в Завидово. Нужно подчеркнуть, что Кадар согласился с доводами советского генсека только частично. Но он вновь получил в Москве мандат доверия. В политике наступил новый этап – был проведен ноябрьский (1972 г.) пленум ЦК ВСРП, внесший первые коррективы в политику реформ. Кадар (как “царь”) оставался, но ведущие политики (“худые бояре”) постепенно отстранялись. Венгерская реформа была приторможена, а с 1974 г. претерпела существенные перемены. Но в целом ее семена попали в хорошую почву, что проявилось в 1989 – 1990 гг. при смене общественного строя.

В Румынии Н. Чаушеску гораздо решительнее и более последовательно, чем в свое время Г. Георгиу-Деж, проводил линию на дистанцирование от Советского Союза. В Москве ценили факт тесного сотрудничества с Румынией в период венгерских событий 1956 г., поэтому в 1958 г. Хрущев согласился на вывод советских войск из Румынии (кстати, он предлагал это полякам и венграм тоже). С декабря 1964 г. были отозваны на родину советские советники из армии и органов госбезопасности Румынии. С 1965 г. наблюдалась дерусификация политики и внутренней обстановки. Во внешней политике чувствовался крен в сторону США и Франции, усилилось лавирование между Москвой и Пекином, между Востоком и Западом, хотя Румыния оставалась в Варшавском договоре и СЭВ. В экономической сфере румыны шли только на то, что было им явно выгодно. Особая позиция Румынии проявлялась по каждому вопросу международной жизни и экономических отношений. Первым среди соцстран Чаушеску установил дипломатические отношения с ФРГ, не разорвал, а, наоборот, усилил связи с Израилем после войны 1967 г. на Ближнем Востоке. Румынский лидер пытался претендовать на посредническую роль в советско-китайском конфликте. Но в Москве терпеливо убеждали румынского лидера, поскольку для Москвы было важно сохранить внешнее единство содружества. Попутно замечу, что, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Ю.В. Андропов перестал нянчиться с Чаушеску. В свою очередь М.С. Горбачев вновь попытался более внимательно и терпеливо относиться к Чаушеску¹⁴. Но это было после 1985 г. Тогда же, в начале 1968 г., от внутренних обсуждений чехословацкой темы Чаушеску отстранили, так как заведомо было ясно, что он будет возражать против любого рассмотрения чехословацкой ситуации на коллективных встречах руководителей соцстран. В “клуб – 5” Чаушеску не входил. В мае Бухарест посетил де Голль, демонстрируя внимание ведущих западных стран к политике Чаушеску. Румынский лидер заявил о необходимости одновременного роспуска Варшавского договора и НАТО, вывода иностранных войск из Европы в пределы своих национальных территорий. В конце июля 1968 г. на заседании Совета обороны по докладу руководителя разведслужбы генерала М. Пачепы (позднее он сбежал в США) были позитивно расценены развитие обстановки в Чехословакии и эволюция ее внешней политики в направлении укрепления суверенитета, независимости и обеспечения равноправия внутри командных структур Варшавского договора. Одновременно на заседании были рассмотрены меры по борьбе с проникновением советских агентов¹⁵.

В поведении Чаушеску, лидера с диктаторскими наклонностями, отнюдь не либерала, доминировали два момента:

1. В программе демократизации и защиты независимости и суверенитета, провозглашенной в Праге, он видел шанс для подтверждения своей патриотической или националистической линии (так называемого национал-коммунизма), особенно в части ограничения вмешательства Советского Союза во внутренние дела Румынии (возврата к практике до 1965 г. Чаушеску, конечно, не желал) и изменения обстановки в Организации Варшавского договора и СЭВ в направлении большего равенства и учета мне-

¹⁴ Горбачев М. Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995, с. 391.

¹⁵ Adevarul, 13.V.2008.

ния других стран. Он, разумеется, не был сторонником “социализма с человеческим лицом”, но, преследуя свои внешнеполитические цели, демонстративно нанес визит в Прагу 15 августа 1968 г. и объявил о подписании нового договора о дружбе между Румынией и Чехословакией. Чуть ранее с визитом в Праге побывал И.Б. Тито. Этот жест был правильно понят в других соцстранах.

2. Ситуацию после вторжения войск пяти стран ОВД в ЧССР Чаушеску на 100% использовал для укрепления режима личной власти. Хроника событий здесь следующая.

Важный момент – заседание высшего партийного руководства в ночь с 20 на 21 августа. Протокол этого заседания, опубликованный сейчас в Румынии, свидетельствует о единстве на сугубо антисоветской и, я бы сказал, на русофобской основе. Ввод союзных войск в ЧССР был категорически осужден. Под предлогом угрозы для Румынии приняты решения о мобилизации армии, закрытии аэропортов и границ. Воссоздана Патриотическая гвардия (за короткое время в нее вступили до полумиллиона человек). На срочно созванном заседании парламента принято заявление с осуждением ввода союзных войск в ЧССР. Утвержден закон о проведении армейских учений с участием иностранных войск на территории республики только с разрешения румынского парламента (с тех пор учения войск ОВД на территории Румынии больше не проводились). Организован огромный митинг в Бухаресте в поддержку политики партии и лично Чаушеску. Так формировался образ национального героя, “гения Карпат”. Боялся ли он репрессий со стороны Советского Союза? Если и боялся, то принял внушительные меры защиты и обратился к Вашингтону. Нельзя исключать со стороны Чаушеску и хитрой комбинации в интересах обоснования своей политики, так как в Румынии все-таки существовал ортодоксальный социализм. Политика Чаушеску получила сильную поддержку на Западе. В августе 1969 г. Бухарест посетил президент США Р. Никсон. На Румынию пролился сильный дождь кредитов. В 1972 г. страна стала членом МВФ и Всемирного банка, ранее ее приняли в ГАТТ. В 1978 г. последовали визиты румынского лидера в Вашингтон и Лондон. В этих условиях всякая попытка румынской оппозиции апеллировать к западному общественному мнению, к западным политикам не встречала понимания. Но, как говорится, от судьбы не уйти. Лавирование во внешней политике не принесло Чаушеску устойчивых результатов. Завинчивание гаек в идеологической и культурной жизни, массовые нарушения прав человека, эмиграция румынской интеллигенции на Запад, дискриминация национальных меньшинств, безудержное раздувание культа личности вождя, установление режима личной диктатуры, жесткая борьба с оппозицией и оппонентами, амбициозный экономический курс, приведший к обнищанию населения, – все это вызвало отторжение румынским обществом политики Чаушеску. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что на начальном этапе его националистический курс, замешанный на антисоветизме, имел определенную базу поддержки в Румынии.

Конец политики и жизни Чаушеску был бесславным. Покинутый Западом, не восстановивший тесных отношений с Москвой и другими социалистическими странами, пытавшийся возражать Горбачеву как в отношении его внешнеполитических инициатив, так и по коренным вопросам перестройки (но в этом смысле он кое в чем был прав!), все более терявший опору в своей собственной стране, Чаушеску на встрече лидеров стран – членов Варшавского договора в Москве в начале декабря 1989 г. при рассмотрении вопроса об обоснованности действий “пятерки” в августе 1968 г. напомнил о своей тогдашней позиции, но это никого уже, по большому счету, не интересовало. Главной заботой Чаушеску в тот момент было стремление созвать совещание компартий для обсуждения ситуации в социалистических странах и принятия совместных мер. По отдельным признакам можно предположить, что он не исключал и шагов, напоминающих август 1968 г. Здесь следует заметить, что ранее он даже предлагал принять коллективные меры против передачи власти правительству “Солидарности” в Польше. Естественно, понимания в Москве он не встретил. Вернувшись домой, Чаушеску пытался отмобилизовать верные ему силы, утверждая, что происходящее в социалистических странах есть результат сговора Москвы и Вашингтона, а в стране действует иностранная агентура. Членам партийной верхушки он дал понять, что страна вступает в состо-

жение войны¹⁶. Народные демонстрации в Тимишоаре, начавшиеся под лозунгами демократии, защиты прав человека и национальных меньшинств, свободы и проведения свободных выборов, было приказано безжалостно разогнать с применением оружия. Точное число жертв тех событий неизвестно, но по достоверным источникам погибли не менее 70 человек (всего в Румынии погибли в ходе революционных выступлений до 1000 человек). Ситуацию не могли спасти ни аресты, ни запрет на передачу информации, ни обещания диктатора повысить зарплату. В промышленных центрах начались забастовки и массовые митинги протеста. Военнослужащие, в том числе из войск госбезопасности, отказывались стрелять в народ. Диктаторский режим рассыпался. Восстание в Бухаресте 21–22 декабря, за которым стоял заговор ряда политиков и высшего генералитета, покончило с диктатурой Чаушеску. В ходе спешно проведенного заседания военного трибунала 25 декабря в течение двух часов – в гарнизоне г. Тырговиште Н. и Е. Чаушеску были приговорены к расстрелу. О приведении приговора в исполнение сразу же сообщило румынское телевидение, показав видеозапись. Можно констатировать, что по решению правящей группы Совета Национального Спасения, принятому 24 декабря, чету Чаушеску попросту убрали с дороги, ссылаясь на сложную политическую обстановку и отсутствие тогда условий для открытого судебного процесса¹⁷.

В наши дни события “Пражской весны” в основном представляют интерес для историков как попытка обновления социализма, придания ему демократических, более гуманных и привлекательных черт, попытка, которая была задавлена совместным выступлением армий пяти стран во главе с Советским Союзом, опасавшихся развала Варшавского договора, утраты влияния правивших компартий и поражения концепции так называемого реального социализма. В итоге потерпела крах последняя, перед советской перестройкой, попытка реформирования созданного в послевоенные годы социалистического общества. Р. Ньерш в связи с 25-й годовщиной венгерской экономической реформой отмечал, что “в историческом смысле 1968 год был последней возможностью для стран восточноевропейского региона, прежде всего для Венгрии, Чехословакии и Югославии, прорыва государственного социализма в рыночный социализм”¹⁸. Позднее в 1989 г. в ходе демократических революций надежды на социал-демократический вариант развития не оправдались нигде – ни в странах Центрально-Восточной Европы, ни в Советском Союзе. Анализируя итоги развития стран Восточной Европы в конце XX в., академик РАН О.Т. Богомолов и доктор экономических наук С.П. Глинкина отмечали, что “прежняя общественно-политическая и экономическая система исторически исчерпала себя. Она перестала быть фактором развития и оказалась не в состоянии обеспечить экономический рост и устойчивое повышение жизненного уровня большинства населения”¹⁹.

В истории интересную метаморфозу претерпела доктрина “ограниченного суверенитета”, которая пережила своих творцов и успешно применяется в виде “гуманитарных интервенций”, навязывания демократии западного типа в политике единственной в мире сверхдержавы – США. Наиболее яркие примеры последних лет – Ирак, где США провоевали 7 лет, убрали Саддама Хусейна, но так и не нашли следов оружия массового уничтожения. А сейчас выводят свои войска, не создав стабильности и демократии в этой стране. А тем временем в этом регионе усилилось влияние Ирана. Или Афганистан, где США и натовская коалиция увязли в боях с талибами. К сожалению, в мировой политике наблюдается тяга к применению силовых решений, что проявляется в отдельных случаях и в решениях ООН. Что касается других моментов мировой обстановки 1968 г., то рост антиглобалистских выступлений, активность движений “зеленых” и экологов наших дней уходят корнями в события того бурного времени.

¹⁶ *Rady M. Romania in turmoil.* London – New York, 1992, p. 92.

¹⁷ Более подробно о Н. Чаушеску см.: *Мусатов В.Л.* Горбачевская перестройка и режим Чаушеску. – Новая и новейшая история, 2009, № 3.

¹⁸ *Népszabadság*, 2.I.1993.

¹⁹ Трансформации на постсоциалистическом пространстве. СПб., 2009, с.6.